

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|---|
| От редколлегии | 6 |
| А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология | 7 |

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

| | |
|--|----|
| Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед | 18 |
| А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности | 24 |
| А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке | 35 |
| Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии | 51 |
| Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности | 62 |
| В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв. | 69 |
| Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов) | 93 |

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

| | |
|--|-----|
| В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей» | 141 |
| А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым | 186 |
| <i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i> | |
| Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов | 212 |
| Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР | 213 |
| И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии | 2 |
| Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским | 231 |
| Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров | 235 |

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

2—4 июня 1969 г. в Ленинграде состоялась III Тюркологическая конференция, инициатором которой было Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. Рядом докладов конференция отметила столетие со дня рождения выдающегося русского тюрколога П. М. Мелиоранского. На пленарных и секционных заседаниях были обсуждены и оценены научные результаты исследовательской работы П. М. Мелиоранского в области тюркского языкознания, фольклористики, изучения памятников тюркской письменности, тюрко-славянских языковых связей. Наряду с этим подверглись обсуждению современные проблемы тюркологии в тех областях, где вклад П. М. Мелиоранского был особенно велик.

В сборник включены наиболее важные доклады, прочитанные на конференции, и некоторые другие материалы, отражающие результаты новых исследований советских тюркологов в упомянутых выше разделах тюркологической науки.

А. Н. Кононов

П. М. МЕЛИОРАНСКИЙ И ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ТЮРКОЛОГИЯ

В середине прошлого столетия Петербург стал центром научного отечественного востоковедения. Положение Петербурга как центра востоковедения определялось и поддерживалось наличием двух первоклассных собраний восточных рукописей и книг по востоковедению на восточных и западных языках; ими были: Азиатский музей Академии наук (осн. в 1818 г.), первое в России научно-исследовательское востоковедное учреждение, и Петербургская Публичная библиотека. Эта база отечественного востоковедения дополнялась учебной и исследовательской базой, каковой явился основанный в 1854—1855 гг. Факультет восточных языков (ФВЯ) С.-Петербургского университета, сыгравший исключительно важную роль в развитии отечественного востоковедения¹.

ФВЯ объединил в своих стенах весь цвет тогдашней востоковедной науки: А. К. Кезем-бек, В. П. Васильев, К. Ф. Голстунский, И. Н. Березин, А. О. Мухлинский, А. В. Попов, Д. А. Хвольсон, В. В. Григорьев и др.

С 80-х годов прошлого столетия, когда организатором и идейным руководителем отечественного востоковедения стал академик В. Р. Розен (1849—1908), Факультет восточных языков С.-Петербургского университета превратился в общепризнанный центр научного востоковедения, в котором получили подготовку, а позднее были его профессорами ученые, создавшие русскому востоковедению мировую славу: И. П. Минаев, В. В. Бартольд, Н. Я. Марр, П. К. Коковцов, С. Ф. Ольденбург, Ф. И. Щербатской, В. А. Жуковский,

¹ Подробнее см.: А. Н. Кононов, Восточный факультет Ленинградского университета, — «Уч. зап. ЛГУ», № 296, серия востоковед. наук, 1960, вып. 13, стр. 3—31.

А. Э. Шмидт, И. Ю. Крачковский, В. М. Алексеев, И. А. Орбели, А. Н. Самойлович, С. Е. Малов и др.

Среди питомцев, позднее — профессоров ФВЯ, приумноживших славу русского востоковедения, был тюрколог и монголист Платон Михайлович Мелиоранский, столетию со дня рождения которого посвящается эта статья.

I

Платон Михайлович Мелиоранский родился в Петербурге 18 ноября 1868 г. в семье Михаила Ивановича Мелиоранского, питомца С.-Петербургского университета, позднее занимавшего в нем ряд административных должностей. «Фамилия Мелиоранских ведет свое начало от деда Платона Михайловича, Ивана Афанасьевича, бывшего протоиереем церкви Св. Екатерины, что на Кадетской (теперь: Съездовской) линии Васильевского острова. Мелиоранским называли деда Платона Михайловича в семинарии или духовной академии, а раньше он числился Пономаревым, будучи сыном пономаря одного из сел Ефремовского уезда Тульской губернии»². Дедом П. М. со стороны матери, Надежды Александровны, урожденной Жиряевой, был Александр Степанович Жиряев, профессор уголовного права Дерптского университета, в семье которого немецкий язык знали как родной, и благодаря матери П. М. с детства усвоил немецкий язык.

Среднее образование П. М. получил (до пятого класса включительно) в реформатском училище, а затем в гимназии при лютеранской церкви Св. Екатерины, что на углу 1-й линии и Большого проспекта Васильевского острова.

Платон Михайлович с детства обнаружил явные способности к изучению языков, а потому, когда пришла пора поступать в университет, у него был выбор лишь между филологическим факультетом и факультетом восточных языков. По совету отца П. М. выбрал арабско-персидско-турецко-татар-

² Биографические сведения о П. М. Мелиоранском почерпнуты из двух некрологов, написанных его учеником А. Н. Самойловичем: 1) П. М. Мелиоранский (Некролог), — ЖМНП, новая серия, VIII (1907), № 4, отд. 4, стр. 107—122; 2) Памяти П. М. Мелиоранского, — ЗВОРАО, 1907, т. XVIII, стр. 01—024 (с портретом и полной библиографией). См. еще: В. В. Бартольд, П. М. Мелиоранский (Некролог), — ТВ, 1906, № 81, стр. 508. Перепечатано в отчете С.-Петербургского университета за 1906 г., стр. 8—12; Г. Айдаров, П. М. Мелиоранский — крупный исследователь-тюрколог (60 лет со дня смерти), — «ИАН КазССР. Серия общественная», Алма-Ата, 1966, № 6, стр. 91—92; Л. С. Левитская, П. М. Мелиоранский (К столетию со дня рождения), — НАА, 1968, № 6, стр. 214—216; С. К. Кенесбаев, П. М. Мелиоранский — один из первых крупных исследователей казахского языка, — «Вестник АН КазССР», 1969, № 10, стр. 36—46.

ский разряд ФВЯ С.-Петербургского университета (1887). По совету В. В. Радлова, с которым П. М. познакомился в доме общего знакомого еще в гимназические годы, он решил избрать своей специальностью тюркские языки, по тогдашней терминологии — турецкие наречия.

Одновременно с прохождением курса на ФВЯ П. М. сразу же стал приватно заниматься на дому у В. В. Радлова тюркскими языками, которые по плану факультета преподавались начиная с третьего семестра. Сначала П. М. принялся за изучение алтайского языка, с которого начинал и В. В. Радлов, затем перешел к казахскому (по старой терминологии — казак-киргизскому) языку, за которым последовало чтение отрывков из «Кутадгу билиг» и изучение некоторых «чагатайских» текстов. Занятия тюркскими языками у В. В. Радлова были чрезвычайно полезны для П. М., особенно потому, что тогда, по словам В. В. Бартольда, «лекций по тюркологии, кроме османского наречия, строго говоря, не было совсем».

Летом 1890 г., при переходе с третьего курса на четвертый, П. М. получил от ФВЯ командировку в Оренбургскую губернию и Тургайскую область для изучения казахского языка и фольклора.

В 1891 г. П. М., блестяще окончив курс ФВЯ, был оставлен при кафедре турецко-татарской словесности для подготовки к профессорской деятельности. В это же время П. М. продолжал занятия у В. В. Радлова.

В августе 1893 г. П. М. отправился в четырехмесячную заграничную командировку (Лондон, Оксфорд, Лейден, Париж, Берлин), где занимался рукописями сочинения «Араб-филолога», позднее ставшего известным под именем Ибн Муханны, списал часть лондонской рукописи «Кысас ал-анбийя» Рабгузи и занимался изучением дивана Бурхан ад-дина Сивасского (XIV в.).

В 1894 г. П. М. приступил к чтению лекций на ФВЯ С.-Петербургского университета в должности приват-доцента. В 1899 г. П. М. защитил магистерскую диссертацию («Памятник в честь Кюль-Тегина»), в 1901 г. — докторскую («Араб-филолог о турецком языке»); в том же году П. М. был назначен экстраординарным, а в конце 1905 г. ординарным профессором ФВЯ С.-Петербургского университета. С 1902 г. и до конца жизни П. М. состоял секретарем ФВЯ.

Летом 1904 г. П. М. посетил Вену, где занимался преимущественно сочинением Мухаммеда Салиха «Шейбани-наме».

Любимый ученик П. М., впоследствии известный тюрколог А. Н. Самойлович (1880—1938), близко знавший П. М., писал: «Несмотря на слабость своего здоровья и другие небла-

гоприятные обстоятельства, П. М. Мелиоранский благодаря своим недюжинным дарованиям, большому трудолюбию и безграничному интересу к своему предмету поразительно быстро стал на мало кем из тюркологов достигнутую высоту современных лингвистических методов и взглядов (разрядка моя.—А. К.) и знакомства с наличным собранным материалом и исследованиями по тюрковедению, преимущественно же по турецкому языку (т. е. по тюркским языкам). По своим научным воззрениям покойный примыкал к школе нео-грамматиков»³.

П. М. Мелиоранский не был таким полиглотом, как, например, Ф. Е. Корш, но был прекрасно вооружен знанием целого ряда западных (латинский, греческий, немецкий, французский, английский, голландский, итальянский, датский) и восточных (тюркские, арабский, персидский, монгольский) языков. По свидетельству близко знавших его людей, П. М. «отличался чрезвычайно живым и общительным характером и обладал в высшей степени чуткой и отзывчивой душой»⁴.

II

За свой очень короткий научно-исследовательский век — всего тринадцать лет, с 1893 по 1906 гг.,— П. М. написал 42 работы⁵, многие из которых вошли в золотой фонд тюркологии. Его работа «Араб филолог о монгольском языке» (ЗВОРАО, 1903, XV, стр. 75—171) высоко ценится монголистами.

Труды П. М. Мелиоранского распределяются по следующим основным разделам тюркологии:

I. Издание, лингвистическая и историко-филологическая обработка памятников:

тюркской письменности арабским алфавитом: 1) Отрывки из дивана Ахмеда Бурхан ад-дина Сивасского; 2) Сказание о пророке Салихе (Из Кысасу-ль-Энбия Рубгузи); 3) «Араб филолог о турецком языке»; 4) «Араб филолог о монгольском языке»; 5) «Шейбани-наме»;

³ А. Н. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, стр. 04.

⁴ Там же, стр. 05.

⁵ Хронологический перечень печатных трудов П. М. Мелиоранского см.: А. Н. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, стр. 015—020, где перечислена 41 работа; однако на отдельном оттиске этой статьи, принадлежавшем А. Н. Самойловичу, его рукой на стр. 20 сделана приписка: «42. Ахмед Ясеви, в Мус. энцикл.». Действительно, в «Encyclopedie de l'Islam», t. I, A—D, Leyden—Paris, 1913, стр. 208—209, помещена статья «Ahmed Jesevi» за подписью: П. М. Мелиоранский. См. также ниже, стр. 396—399.

рунического письма: 1) «Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме» (совместно с В. В. Радловым); 2) «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями»; 3) «Памятник в честь Кюль-Тегина»⁶; 4) «Небольшая орхонская надпись на серебряной кринке Румянцевского музея»; 5) «Два серебряных сосуда с енисейскими надписями»;

уйгурского письма: 1) «О Кудатку Билике Чингиз хана»; 2) «Документ уйгурского письма Султана Омар-Шейха».

II. Грамматические работы: 1) «Краткая грамматика казак-киргизского языка», ч. I. Фонетика и этимология; ч. II. Синтаксис⁷.

III. Фольклор: 1) «Киргизские пословицы и загадки»; 2) «Сказание об Едигее и Токтамыше». Киргизский текст по рукописи, принадлежавшей Ч. Ч. Валиханову.

IV. «Rossica-Turcica»: 1) «Турецкие элементы в языке „Слова о полку Игореве“»; 2) «Вторая статья о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве“»; 3) «Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени»; 4) «Слова „чатыхул“ и „сын“ в „Сказаниях о 42 аморийских мучениках“».

V. Историко-филологические работы: 1) «Сельджук-наме как источник для истории Византии в XII и XIII веках»; 2) «По поводу новой археологической находки в Аулиеатинском уезде»; 3) «Что такое „басма“ золотоордынских послов?»; 4) «Турецкие наречия и литературы» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. 34, с. 159—170).

VI. Работы о транскрипции географических названий: 1) «Несколько соображений по вопросу об упорядочении транскрипции географических собственных имен турецко-татарского происхождения»; 2) «Дополнительные соображения по вопросу о транскрипции географических наименований в указателе к карте»; 3) «Пробная транскрипция географических названий турецкого корня в губерниях Казанской, Оренбургской и Уфимской».

VII. Рецензии (12 наименований) преимущественно на лингвистические труды.

Несмотря на широкий диапазон своих научных интересов,

⁶ См.: Г. Айдаров, П. М. Мелиоранский и памятник в честь Кюль-тегина. — ИАН КазССР, Алма-Ата, 1969, вып. 3(19), стр. 81—85.

⁷ Переведен на французский язык: La Syntaxe kirghise de P. M. Melioranski. Traduite du russe par E. de Zacharko et commentée par W. Bang. — «Le Muséon», 1921—1922, t. XXXIV, стр. 217—250; t. XXXV, стр. 49—108.

а может быть и благодаря им, П. М. был и осознавал себя прежде всего тюркологом-языковедом.

В востоковедении прошлого века, в силу специфики материалов исследования, преобладал особый тип исследователя — востоковед-универсал, для которого материалом исследования служило любое проявление духовной и материальной культуры народов Востока (Х. Д. Френ, Б. А. Дорн, Н. Я. Бичурин, О. И. Сенковский). Этот тип востоковеда-универсала в более или менее полном виде продержался в некоторых областях востоковедения до начала XX в. Однако уже в середине прошлого века в России зарождается новая самостоятельная дисциплина — восточное языкознание, наиболее яркими представителями которой были О. Н. Бётлингк, А. А. Шифнер, А. А. Бобровников, К. А. Коссович, В. В. Радлов, К. Г. Залеман, П. М. Мелиоранский.

Первым востоковедом-лингвистом в современном понимании этого термина был О. Н. Бётлингк (1815—1904), знаменитый санскритолог, вошедший в историю тюркологии как автор классического исследования «О языке якутов» (СПб., 1851).

До В. В. Радлова лингвистические проблемы у тюркологов не были предметом специального изучения, хотя его предшественники и современники составили несколько хороших описаний грамматического строя тюркских языков, среди которых с особой признательностью следует назвать грамматики И. И. Гиганова (ум. в 1801 г.), О. И. Сенковского (1800—1858), А. К. Казем-Бека (1802—1870) и особенно «Граматику алтайского языка», составленную Я. М. Глухаревым (в монашестве о. Макарий), В. И. Вербицким и Н. И. Ильминским.

В. В. Радлов положил начало тюркскому языкознанию, заложил его основы на базе большого, хорошо систематизированного фактического материала.

П. М. Мелиоранский, глубоко овладевший основами и методом современной ему теории общего языкознания, благодаря своим исследованиям в области грамматики казахского языка и ряда памятников тюркской письменности по праву считается выдающимся тюркологом-языковедом. «П. М. Мелиоранский всегда был, — писал в упомянутом некрологе его друг академик В. В. Бартольд, — и сознавал себя не историком и не филологом (в смысле исследователя литературных памятников народа), а лингвистом (разрядка моя. — А. К.), для которого язык сам по себе является не средством, а целью изучения».

Глубоко понимая, что студентам-востоковедам необходимо иметь солидную общелингвистическую подготовку, П. М. впервые в практике ФВЯ включил в программу факультатив-

ный курс общего языкознания, который он сам и вел. Таким образом, с именем П. М. связан также новый этап подготовки студентов-востоковедов.

Специального изучения заслуживают ставшие классическими работы П. М. — «Памятник в честь Кюль-Тегина», «Араб филолог о турецком языке», «Араб филолог о монгольском языке», грамматика казахского языка, в которых, как в фокусе, сосредоточены все основные проблемы тюркского языкознания, определены задачи его дальнейшего развития и предложены реальные пути их решения. Все сказанное по этому поводу П. М. Мелиоранским сохраняет свое значение и поныне. Для иллюстрации достаточно привести его слова из введения к докторской диссертации «Араб филолог о турецком языке» (СПб., 1900, стр. I): «Создание сравнительной грамматики турецкого языка (т. е. тюркских языков.— А. К.) со всеми его многочисленными ответвлениями есть несомненно одна из основных задач тюркологии. Для ее выполнения необходимо ознакомиться со всеми современными турецкими наречиями (т. е. тюркскими языками.— А. К.), проследить, насколько это возможно, всю двенадцативековую историю турецкого языка (т. е. тюркских языков.— А. К.) вплоть до древнейших доступных нам памятников его, привести в связь, объяснить исторически все встречающиеся и раньше существовавшие в турецком языке (т. е. в тюркских языках.— А. К.) фонетические явления, формы и синтаксические конструкции».

Для достижения поставленной задачи — составления сравнительно-исторической грамматики тюркских языков — П. М. настоятельно рекомендовал учесть весь наличный материал и придавал «чрезвычайно важное значение изучению живых народных говоров (разрядка моя.— А. К.), основанному на непосредственном наблюдении над ними. Не только потому изучаются современные диалекты, что каждый из них представляет известный интерес сам по себе, но и потому, что общие законы жизни языка, добытые научной разработкой установленных наблюдением фактов, действовали или по крайней мере могли действовать, по мнению лингвистов, и в более ранние периоды существования того же языка или той же группы родственных языков» (там же).

Придавая особое значение изучению диалектов для понимания древних письменных памятников, что в ту пору в тюркологии не являлось, как теперь, само собой разумеющимся, П. М. писал: «...современные диалекты сохраняют часто, как показало уже неоднократно наблюдение, многие древние формы и слова, не дошедшие до нас в сравнительно новых письменных источниках, и представляют таким образом драгоцен-

ное, часто незаменимое пособие для понимания и отчасти лингвистического разбора наиболее древних памятников» (там же, стр. II).

Отдавая должное изучению диалектов для понимания и изучения древних памятников, П. М. решительно заявлял, что «главным (курсив П. М. Мелиоранского.— А. К.) материалом для исследования истории языка все-таки являются различные писанные источники — рукописи, надписи, монетные легенды и пр.» (там же, стр. II). Основная группа памятников тюркской письменности, как известно, написана на восточных алфавитах: руническом, уйгурском, арабском, манихейском, брахми; вторая группа памятников — на европейских алфавитах: латинском, греческом, кириллицей; третья группа — на алфавитах: армянском, согдийском, сирийском, тибетском и китайскими иероглифами.

Все эти системы письма, за исключением, пожалуй, рунической и уйгурской⁸, были малопригодны для тюркских языков, а потому «задача восстановить по их транскрипциям истинный текст,— по справедливому мнению П. М.,— представляет опять-таки свои немалые трудности...» (там же, стр. III).

В качестве особенно ценного источника для сравнительно-исторической грамматики тюркских языков П. М. называет филологические сочинения восточных ученых, писавших на арабском языке — латыни тогдашнего Востока.

В грамматических и лексикографических сочинениях средневековых и более поздних восточных авторов «содержится не только много ценного сырого материала, но отчасти этот материал является в известной научной обработке. Обработку эту можно назвать, конечно не без оговорок, научной даже с точки зрения современного языкознания. Несмотря на пресловутую схоластичность средневековой арабско-мусульманской науки, надо сказать, что в некоторых отраслях языкознания средневековые арабы-филологи⁹ обнаруживали гораздо бóльшую рациональность в своих приемах и теориях, чем многие европейские ученые (а в особенности ориенталисты) не только в средние века, но даже чуть ли не вплоть до XX столетия» (там же, стр. IV). А что бы сказал П. М., если бы ему был известен «Диван» Махмуда Кашгарского!?

Этот один из важнейших, если не самый важный источник для исторической грамматики тюркских языков до по-

⁸ См.: П. М. Мелиоранский, Араб филолог о турецком языке, стр. II.

⁹ П. М. Мелиоранский под «арабами» в данном случае разумел «не только чистых арабов по происхождению, но и различных инородцев, принявших ислам и сделавшихся причастными арабско-мусульманской культуре» (там же, стр. IV, сноска 2).

следнего времени почти не привлекал внимание отечественных тюркологов после классической работы П. М. Мелиоранского «Араб филолог о турецком языке».

Теперь мы можем с удовлетворением отметить, что в последние годы положение в этой отрасли советской тюркологии резко изменилось к лучшему¹⁰.

Пожалуй, наиболее полно лингвистическое credo П. М., его воззрения на методы и приемы лингвистического анализа изложены в рецензиях на книги Н. Ф. Катанова «Опыт исследования урянхайского языка» (Казань, 1903)¹¹ и В. Грэнбека «Forstudier til tyrkisk Lydhistorie» (Kjøbenhavn, 1902)¹².

Книгу Н. Ф. Катанова П. М. подверг резкой, в некоторых местах сокрушительной, но далеко не всегда оправданной критике в первую очередь за отсутствие внимания к достижениям фонетики, за отсутствие творческого элемента в изложении материала. «Несомненно,— пишет С. Н. Иванов в биографии Н. Ф. Катанова,— работа Катанова носила не столько творческий, сколько обобщающий (я бы сказал: компилятивный.—А. К.) характер, но именно эта особенность „Опыта“ и принесла ему всеобщее признание специалистов»¹³.

Сейчас нас должна занимать не столько оценка П. М. Мелиоранским труда Н. Ф. Катанова, сколько лингвистические взгляды самого П. М.

В рецензии на книгу В. Грэнбека П. М. высказывает свое мнение по вопросу, который и сейчас, спустя 65 лет, волнует тюркологов, тунгусоведов, монголистов, японистов и корейстов,— о гипотезе урало-алтайской общности, и предостерегает от поспешных заключений о генетической общности урало-алтайской семьи языков. П. М. призывал к тщательному изучению фактического материала, к составлению частных сравнительно-исторических грамматик, к изучению чувашского и якутского языков, рано обособившихся от остальной семьи тюркских языков¹⁴.

Сердцу П. М. Мелиоранского всегда были близки судьбы исторического развития родного русского языка. А потому он горячо откликнулся на тему, предложенную Академией наук,— «определить, какие слова турецко-татарского происхождения перешли в русский язык в домонгольский период».

¹⁰ Подробнее см.: А. Н. Кононов, Тюркская филология в СССР. 1917—1967, М., 1968, стр. 17—21.

¹¹ ЗВОРАО, 1903, т. XV, стр. 015—016.

¹² GGA, 1904, № 6, стр. 491—499.

¹³ С. Н. Иванов, Н. Ф. Катанов. (Очерк жизни и деятельности), изд. 2, М., 1973, стр. 59. См. также: Л. С. Левитская, П. М. Мелиоранский, стр. 216.

¹⁴ См.: Л. С. Левитская, П. М. Мелиоранский, стр. 216.

Этой теме П. М. посвятил три известные статьи, составившие важный этап в изучении тюркизмов в русском языке. Вот что писал Ф. Е. Корш по поводу его первой статьи: «...я приветствую такого образованного и остроумного тюрколога, как П. М. Мелиоранский, при его вступлении на поприще русской филологии, где он благодаря своим способностям и превосходной подготовке может принести больше пользы, чем все его предшественники-ориенталисты, взятые вместе»¹⁵.

За двенадцатилетнюю педагогическую деятельность, протекавшую в стенах ФВЯ С.-Петербургского университета, П. М. Мелиоранский старался утвердить лингвистическое направление подготовки тюркологов, для чего, как сказано, выше, читал специальные курсы, вел семинары по общему языкознанию. Среди его учеников первым следует упомянуть А. Н. Самойловича, навсегда вошедшего своими трудами в историю русской тюркологии. Лекции П. М. слушал и другой выдающийся тюрколог — С. Е. Малов. Из аудитории П. М. вышли: В. Писарев, один из первых ученых, занимавшихся изучением турецких диалектов Малой Азии; И. Беляев, занимавшийся изучением каракалпакского и туркменского языков; Н. Бравин, изучавший язык и фольклор крымских ногайцев; Н. Мартинович, занимавшийся турецким языком и литературой; Н. Караулов, издавший две работы о языке и этнографии балкар; С. М. Шапшал, известный знаток турецкого и караимского языков. Этот далеко не полный список учеников П. М. свидетельствует о его незаурядных педагогических способностях.

Казалось, можно было ожидать, что в результате педагогической и научной деятельности П. М. в русской тюркологии прочно утвердится чисто лингвистическое направление и русская тюркология в части грамматических исследований будет развиваться на прочном фундаменте идей и достижений общего языкознания. Однако этого, к сожалению, не случилось. В. В. Бартольд с горечью писал, что ученики П. М. продолжали традицию общефилологического направления.

Самый близкий и самый талантливый из известных нам учеников П. М. Мелиоранского, А. Н. Самойлович, продолжал работать в плане общефилологического направления. Вероятно, это произошло только потому, что еще совсем недавно, 30—40 лет тому назад, само состояние исследуемого материала не позволяло ограничиться чисто лингвистическим аспектом исследовательской работы. Как хорошо сказал однажды Н. К. Дмитриев: «Тюрколог — врач по всем болезням».

¹⁵ Цит. по: А. Н. Самойлович, Памяти П. М. Мелиоранского, стр. 08.

Только примерно в последнюю четверть столетия тюркское языкознание выделилось в самостоятельную область знаний, хотя эта «независимость» не всегда идет ему на пользу. Полный и решительный отрыв тюркского языкознания от истории, особенно от истории культуры, тюркоязычных народов не принес успехов тюркологам. Если П. М. Мелиоранского считают лингвистом *par excellence*, то при этом не следует забывать, что этот выдающийся лингвист обладал глубокими знаниями тюрколога-историка, о чем свидетельствует его блестящий историко-филологический комментарий к изданию и переводу «Памятника в честь Кюль-Тегина», признанный эталоном лингвистического и историко-филологического исследования.

16 мая 1906 г., на тридцать восьмом году жизни, в расцвете сил скончался выдающийся ученый, оставивший в тюркологии неизгладимый след. В памяти последующих поколений тюркологов навсегда сохранится удивительно привлекательный образ П. М. Мелиоранского, лучшим памятником которому будет исследование тюркских языков, выполненное с таким же глубоким знанием материала, с таким же тонким лингвистическим анализом, как это было свойственно трудам П. М. Мелиоранского.